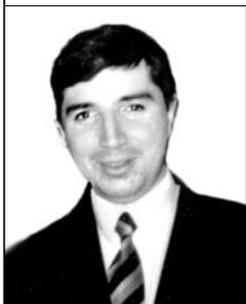

МОЛОДЁЖНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ДОЛГОЕ ЭХО

К сорокалетию событий 1968-го

Арсений Замостьянов

У любой революции молодые лица. Опытному, осторожному человеку всегда есть что терять, ему труднее решиться на разрушение старого порядка «до основанья, а затем...». Революции возносят новые поколения с их нахальной энергией, которая далеко опережает осмотрительную работу зрелых умов. А школьная программа, напротив, была и будет консервативной; школа — в известной степени храм классики, где устоявшиеся культурные материи должны превалировать.

Многолетний опыт показывает, что на уроках граждановедения обращаться к сверхактуальной современной проблематике всегда непросто. В эпоху политинформаций учителя часто обращались к передовым статьям официальной прессы, формируя таким образом представления об идеологической реальности. Эта практика изжила себя, теперь мы имеем дело с разнообразными учебными книгами, в которых (в идеале) к актуальным вопросам относятся с исследовательской дотошностью.

Иногда случается и так: мы ежедневно испытываем на себе властное влияние исторического феномена, живём по его правилам, а осмыслить не успеваем, как будто побаиваемся. Один из таких феноменов — революция шестидесятых. Ключевой год той революционной эпохи — 1968-й. Во всём мире сегодня отмечают сорокалетие судьбоносных событий того года. Завоевания той революции, как полагается, противоречивы. Однако осмыслить их необходимо именно в школьные годы. Гражданственность воспитывается на прикосновениях к самым спорным, самым остро дискуссионным материям. Комплекс проблем, связанный с юбилейным 1968-м, особенно уместен для школьных штудий, потому что вся современная молодёжная субкультура произрастает из той революционной фактуры. Вся она вышла из джинсов и студенческих парижских баррикад того года. Из рок-музыки, которая именно в 1968 году стала музыкой протеста — благодаря четвёрке «Битлз» и многим другим вооружённым электрогитарами борцам с буржуазной моралью. Самая эпатажная, остро популярная молодёжная музыка стала голосом пацифизма.

Список духовных отцов молодёжного бунта известен и ранжирован: Сартр, Маркс, Троцкий, Альтюссер, Ленин, Камю, Фромм, Мао Цзэдун, Бакунин, Че Гевара. Их книги читали как Библию, с экзальтацией и полным доверием. К этому списку необходимо добавить и целый ряд кинематографистов левацки-бунтарского толка, популярных среди молодёжи в то время. В первую голову — Жан-Люка Годара с его эффектной, агрессивной и, как сегодня выражаются, культовой картиной «На последнем дыхании» о неукротимом молодом бунтаре. В 1968 году именно французские кинематографисты во главе с Годаром активно создавали революционные проекты, в которых явственно ощущался отголосок эстетики Дантона и Робеспьера, только в современной упаковке. Он даже выпускал пропагандистские кинолистовки, а одна из созданных в те дни группировок носила имя классика советской кинодокументалистики Дзиги Вертова.

Юбилей: сорок лет прошло, а эхо продолжается, и бульон, сваренный в том году, всё ещё тёплый. Собственно говоря, о каких событиях мы намерены вспоминать? Прага, Париж, Сонгми, Киев, Москва, гибель Мартина Лютера Кинга — каждая точка в этой таблице координат достойна внимания, без каждого эпизода контекст окажется неполным, а феномен 1968-го — непонятым. «Год беспокойного солнца» называли 1968-й современники.

В телеэфире Евгений Киселёв назвал кощунственным сравнение наговской интервенции в Югославию и Ирак с пражской операцией ОВД. Подтекст такого отношения вполне расистский: в Праге живут белые люди, на Балканах — уже посмутнее, а в Багдаде — азиатская чернь. Эта идеология осемена лозунгами Киплинга и рефлексиями Бродского. И всё-таки танки стран Варшавского договора в Чехословакии вполне вписываются в логику года беспокойного солнца, когда в ходу оказались жёсткие решения: борьба миров! И не нужно представлять пражскую операцию каким-то исключительным, небывалым злом.

СССР в 1968-м был на подъёме. Больше трёх лет страна отдыхала от самодурств отставного персека КПСС. В 1964 году в СССР в великую моду вошёл хоккей, блистала тройка нападения «Александров — Альметов — Локтев». Стилистически объяснимо (говорю об этом с долей иронии), что на смену раскритикованному «волютаристу» и «звонарю» Хрущёву пришёл триумvirат «Косыгин — Брежнев — Подгорный». Косыгинского импульса хватило на десятилетие успешного развития. К власти — в большие и малые кабинеты — пришло поколение настоящих фронтовиков.

В 1965-м с небывалым размахом отметили День Победы, который отныне стал красным днём календаря. Впервые на телевидении и по радио объявили скорбную минуту молчания в память о павших

на фронтах Великой Отечественной. Показатели по продолжительности жизни в те годы были лучшими в истории нашей страны. Готовилось освоение сибирских нефтегазовых месторождений.

Советская власть была великим экспериментом, во время которого никогда не было недостатка в громких достижениях и опасных проблемах. Но именно в 1964–1968 годах атмосфера в стране, которая знала цену мирной жизни, была для большинства граждан оптимистической. А конфликт с чешскими либеральными реформаторами поколебал общественное согласие в СССР. Интеллигенция остро переживала «расправу над пражской весной» и отныне относилась к собственному государству с возмущением и неприязнью. Похожие процессы одновременно шли и в странах Запада.

Для миллионов людей в мире понятие «1968 год» связано прежде всего с молодёжными выступлениями, которые не привели к политической революции, но стали по-настоящему революционными в идеологии, в этике, в эстетике. Движение вечно молодых, вечно пьяных изменило и образ жизни элиты, и повадки пролетариата.

Нередко интерпретаторы забывают о политической подоплёке событий 68-го, ограничиваясь признанием бесспорного влияния молодёжных выступлений на последующую масс-культуру. Между тем, параллельно с молодёжным бунтом, во Франции бастовали рабочие десятков крупных предприятий. Вслед за Парижем зашумели и другие крупнейшие европейские столицы. Пламя переметнулось и за океан, в Америку, где молодёжное протестное движение громко заявило о себе с начала шестидесятых. Дерзкая молодёжь требовала смены политической системы — и, конечно, потерпела поражение на этой ниве. Но масштаб смуты впечатляет, «не то, что нынешнее племя»...

Один из лидеров студенческого движения 68-го, Даниель Бенсайд в недавнем интервью напоминает, что всё было куда серьёзнее: «Значительная часть участников дискуссий и авторов новых трактовок событий, происшедших во Франции, особенно из числа тех, кто порвал с революционной политикой, стре-

мятся сделать акцент на культурных, идеологических аспектах 1968 года. Но что придавало событиям 1968 года реальный вес, по крайней мере во Франции, так это сочетание студенческого выступления — которое произошло также в таких странах, как Япония и Соединённые Штаты Америки — со всеобщей забастовкой. Сегодняшние интерпретаторы тех событий зачастую забывают, что мы имели дело с реальной всеобщей забастовкой, в которой приняло участие от восьми до десяти миллионов рабочих и которая продолжалась три недели».

Значит — борьба за права рабочего класса, за дружбу народов, против капитала и войн. Конкретно — против американского вторжения во Вьетнам. На первый взгляд кажется, что сердитые молодые французы были солидарны с основными постулатами советской пропаганды того времени. Как-никак СССР был единственной могущественной державой, которая оказывала Вьетнаму серьёзную помощь хлебом, щитом и мечом, — и эта помощь оказалась весьма эффективной. Однако официальная советская пресса писала о молодёжных выступлениях сочувственно, но без действенных политических выводов. Что-то останавливало... И ЦК КПСС не оказывал бунтовавшим серьёзной политической поддержки, не говоря уж о материальной и военной.

Советская пропаганда ограничилась привычным осуждением алчной западной буржуазии и жестокой полиции, а героями (наподобие Кастро или Хо Ши Мина) вожди студенческого движения Франции, Западной Германии, США в СССР не стали. Молодых парижских потрясателей основ у нас мало кто знал по именам. Самое удивительное, что главная причина осторожности и даже инертности советских коммунистов лежала в области, столь близкой интересам журнала «Народное образование» — в области

воспитания. Всем памятливы лозунги советских майских и ноябрьских праздников — борьба за мир, прославление свободного труда, энтузиазма, всемирного братства и широкого Просвещения. А теперь посмотрим, какие лозунги выдвинули французские студенты:

«Запрещается запрещать!»,
 «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»
 (Че Гевара),
 «Секс — это прекрасно! (Мао Цзэдун)»,
 «Воображение у власти!»,
 «Всё — и немедленно!»,
 «Забудь всё, чему тебя учили, — начни мечтать!»,
 «Анархия — это я»,
 «Реформизм — это современный мазохизм»,
 «Распахните окна ваших сердец!»,
 «Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства!»,
 «Границы — это репрессии»,
 «Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем»,
 «Нет экзаменам!»,
 «Я люблю вас! Скажите это булыжникам мостовых!»,
 «Всё хорошо: дважды два уже не четыре»,
 «Революция должна произойти до того, как она станет реальностью»,
 «Быть свободным в 68-м — значит творить!»,
 «Вы устарели, профессора!»,
 «Революцию не делают в галстуках»,
 «Старый крот истории наконец вылез — в Сорбонне (телеграмма от доктора Маркса)»,
 «Структуры для людей, а не люди для структур!»,
 «Оргазм — здесь и сейчас!»,
 «Университеты — студентам, заводы — рабочим, радио — журналистам, власть — всем!».

Такой вот молодёжный праздник непослушания на фоне серьёзных политических и экономических требований социализма. Всё это стилистически куда ближе анархистам из «Оптимистической трагедии» (помните их песенку: «Была б жакетка, а в ней — соседка, всё остальное — трывн-трава!..»), чем к государственноцентричной концепции Ленина и тем более к весьма консервативной, вписавшейся в старорусскую традицию практике реального

социализма по-советски. И точно: в многоцветии политических течений 68-го наиболее популярным среди бунтующей молодёжи был именно анархизм. Для СССР он был неприемлем. Зато мы видим, что актуальность подобных лозунгов для молодёжного обихода не пожухла и через 40 лет. Многие педагоги найдут в них формулы собственных разочарований, проблем и взлётов в общении со школьниками. Советское общество конца шестидесятых было пропитано идеалами свободы. Символами той эпохи стали броские таланты — Гагарин и Титов, шахматист Михаил Таль, поэт Евгений Евтушенко, хоккеист Вячеслав Старшинов, можно долго перечислять их, молодых, энергичных, успешных. Но существовало и представление об иерархии, уважении к старшим, институте семьи. И об интимной жизни, о тайнах двоих, не принято было говорить во весь голос, «здесь и сейчас».

Лидеры СССР и стран-союзников Москвы использовали суматоху 1968-го, чтобы жёстко централизовать социалистический лагерь Восточной Европы. Запад так же вяло поддерживал «Пражскую весну», как Москва — «Парижский май», в этом читалось торжество зыбкого дипломатического равновесия.

Опытные (но непривлекательные для молодёжи) мэтры левого движения изначально скептически относились к начитавшейся Сартра молодёжи. Лидер французских коммунистов Жорж Марше называл бунтующих студентов «буржуазными сынками», «которые быстро забудут про революционный задор, когда придёт их черёд управлять папочкиной фирмой и эксплуатировать там рабочих». Схожее впечатление сердитые молодые люди в крикливой модной рабочей-крестьянской элите. Время показало, что скептики во многом были правы: «икорные левые» (есть такое ироническое французское определение — «La Gauche Caviar») во все времена любят позировать на фоне революции, красоваться бунтарскими взглядами — и только.

Лидеры «красного мая» со временем стали определять дух французской интеллигенции, встали на место прежних авторитетов. Можно назвать Даниеля Кон-Бендита — первого среди равных вождей 68-го, ставшего нынче депутатом Европарламента. Из той же кампании и известный социолог Робер Линьяр, и философ Андре Глюксман, которого сегодня штудируют студенты. Для них майская революция стала превосходной школой, трамплином в самореализации. Но мир с тех пор не стал менее буржуазным, не стал и более миролюбивым. Повторим с грустью: из идей революции успешно реализованы были только те, на которых можно преумножать капиталы. То есть, в реальности бескорыстная, антибуржуазная идеология напала на собственную противоположность. Увы, в чём-то этот сюжет повторили и мы, в начале девяностых, когда «дикий капитализм» начался с критики привилегий номенклатуры... Но традиции вольнодумной интеллигенции, столь сильные в России со времён Радищева, ветер 68-го года поднял на новую высоту.

У американской интеллигенции тоже есть счёты к собственной государственной системе, к политической власти, к военной элите. Интеллигенция умеет сомневаться и фрондировать, такова её миссия — лежать камнем на весах против официоза, в защиту обездоленных, в защиту меньшинства. Но наши фрондёры, говорящие о «вине 68-го года» уже сорок лет, превратили эту тему в своеобразный догматический культ, которым объясняется радикальное разочарование в советской власти, в России, в социализме, вплоть до разрыва с идеей государственности.

Сотни раз и в России, и за рубежом повторялась максима: «Наибольший вклад в дело развала СССР внесла четвёрка «Битлз». Молодые люди из Ливерпуля, по мнению многих, были куда успешнее в борьбе с советской властью, чем все агенты и аналитики ЦРУ, не говоря уж об углом отечественном диссидентском движении. Нет ли здесь рекламного преувеличения? Не переоцениваем ли мы значение массовой культуры, даже самых влиятельных её образцов? Да и сами ливерпульцы никогда не ставили «антисоветских» задач, скорее уж они были потрясателями основ буржуазной жизни.

В СССР вокруг западной рок-музыки возник ореол запретности. Наши идеологи не могли принять новой молодёжной субкультуры со свойственным ей экстатическим «антиобщественным» поведением, с атрибутами «фанатизма», с агрессивней молодых бунтарей. В России и в СССР большое значение в воспитательной стратегии имела армейская традиция. Да, мы привыкли ограничивать вольницу протоколом. Привыкли к «военно-патриотической» теме, привыкли чтить святых боевого прошлого. Тогда, на излёте шестидесятых, школьники, от октябрат до комсомольцев, включались в кампанию почитания героев-фронтовиков; сакрализировалось всё, что имело отношение к боевым дням Великой Отечественной. И это была очень успешная кампания, объединившая поколения. Особенно — в первые годы после праздника «Двадцатилетие Победы», когда эта тема была заветной для миллионов, дети воспитывались на рассказах о войне, а официальная интерпретация ещё не покрылась гляncем штампа.

Среди директоров школ и педагогов того времени было немало фронтовиков и инвалидов войны, к которым относились с особым уважением. Фильмы, песни о войне, мемориалы, военные игры — всё это прочно вошло в жизнь школьника. Разве можно было по соседству с этой героической темой на государственном уровне заваривать нашенскую битломанию или нашенский Вудсток с апологетикой наркотиков и сексуального раскрепощения?

Я говорю о государственном уровне, потому что в те годы всё, что не регламентировалось государством, было обречено на кухонно-маргинальное бытование. Скрестить плащ-палатку и джинсы, Соловьёва-Седого и рок-н-ролл в 1968-м мог бы только очень смелый, даже эпатажный культуртрегер. Среди осторожных идеологов, служивших в те годы в ЦК КПСС и ВЛКСМ, такого

человека не было. Если бы он и нашёлся — инициатива не прошла бы сквозь сито системы. Осторожность стала девизом послевоенных лет — она понижала и атмосферу школьных классов и коридоров. На словах её высмеивали — как в переименованной «Варшавянке»: «Если возможно, то осторожно шествуй вперёд, рабочий народ!». И чеховского Беликова с его «Кабы чего не вышло» объявляли отвратительной и никчёмной личностью. А на деле принцип «Кабы чего не вышло» решал многое, определяя этику эпохи.

Пожалуй мы не вправе вменять в вину творцам той системы страсть к перестраховкам: они пережили войну, а после неё — десятилетие ядерного шантажа, когда мир висел на волоске. Их сознание сформировалось в атмосфере смертельной опасности. Они выбрали консервативную стабильность, а не рискованные шараханья; оглядимся, ведь и наше современное общество после пожара девяностых многим готово пожертвовать ради стабильности, ради спокойствия. Да и Михаил Васильевич Ломоносов ещё «при царе Горохе» писал:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина.

Вот и не желали идеологи нарушать тишину ритмичными раскатами электрогитар. Отечественная контрпропаганда, высмеивавшая как кафонию рок-музыки, дикарские танцы и обезьяньи нравы, раздражалась цветными карикатурами и фельетонами испытанных мастеров, разбрасывалась занудно «правильными» выступлениями лекторов... Но эти усилия оказались тщетными. Большая часть молодёжи (даже из наиболее лояльной и патристически настроенной когорты) была охвачена разными направлениями западной моды. Для одних это выражалось в радикальном нон-конформизме а-ля Вудсток, для других — в мечтах о модных «лейблах», которые стали критериями успеха, для третьих — в футбольном фанатизме с мордобоем «как у них».

Старшему поколению оставалось только повторять строки прозорливого Сергея Михалкова: «Я знаю, есть ещё семейки, где с умилением глядят на заграничные наклейки, а сало русское едят!». Жестяная пивная банка, расписанная латинскими буквами воспринималась как ценность, её берегли, а наиболее увлечённые «семейки» и вовсе ставили в красный угол. Разумеется, «низкопоклонство перед Западом» существовало в России всегда — ещё Суворов высмеивал галломанов: «Давно ли изволили получать письма из Парижа от родных», а Ермолов иронически просил государя: «Произведите меня в немцы!». Грибоедов высмеивал эту манию в монологе про «французика из Бордо».

Субкультура молодых людей, неистово увлечённых заморской массовой культурой (от сленга до галстуков, не говоря уж о джазе) существовала в СССР с первых послевоенных лет (позже их назовут стилистами, а особо увлечённых американской фактурой — штатниками). Но в те годы это было увлечение элиты, «страшно далёкой от народа», а после революции шестидесятых можно говорить о всевластии молодёжной моды для всех социальных слоёв. И «проблема отцов и детей» с конца шестидесятых и на Западе, и в СССР обострилась донельзя. Даже склонные к казённому оптимизму публицисты и эксперты чопорных семидесятых писали об этом как об актуальной опасности. А уж писатели и кинематографисты в те годы и вовсе криком кричали о «жестокости молодёжи», о чугунной стене, вставшей между поколениями.

Характерный безрадостный конфликт тех лет — омещавившиеся, лояльные отцы и циничные, жестокие дети. Как носители идеалов в этом треугольнике выступали седовласые фронтовики — тогдашнее поколение ещё активных дедов. Перелистывая подшивки журнала «Народное образование» семидесятых годов, мы удивляемся обилию идиллических, отлакированных репортажей из школ. Каждый из них в отдельности воспринимается как искренний

и чистосердечный, но, когда таких статей каждый год выходит великое множество — мы понимаем, что имеем дело с определённым ритуалом. Авторы выполняли правила игры. Конфликты было принято сглаживать, о них писали настолько обтекаемо и дипломатично, что и сатиру не отличить от панегирика. Но конфликт поколений заявлял о себе и сквозь фанфары тогдашней публицистики.

У бунтующей, рассерженной молодёжи были свои лидеры. Они постепенно выходили на первый план из-за портретов Маркса, Мао Цзэдуна, Ленина и Че Гевары. Бывшие бунтари стали вполне успешными конформистами. Всё перемололось, и победили, как всегда, деньги. Идеи всеобщего братства и борьбы с частной собственностью остались «на запасном пути», зато революция выпустила в большую жизнь то, на чём можно делать деньги — атрибуты молодёжной моды, образцы массового искусства, связанные с сексуальным раскрепощением. Теперь в молодёжной субкультуре практически нет социального протеста, нет даже попытки осмыслить мировой порядок — эти благородные порывы заменяет ленивая, игривая имитация. Зато фаст-фуд молодёжной субкультуры ратифицирован в миллионах музыкальных, компьютерных, телевизионных гамбургеров. Квалифицированные специалисты стараются, чтобы публика и дня не могла прожить без нового гамбургера. Сравнение с наркотиком банально, но трудно найти более точную аналогию. Тем более что повальная эпидемия наркомании началась опять-таки в годы активизации молодёжной масскультуры, в шумных дискотеках с броским девизом «Секс, музыка, наркотики». Главная задача дилеров массовой молодёжной культуры — оторвать детей от отцов, превратить ординарный подростковый бунт в непоправимый разрыв с традицией. И это им удалось. На Западе — вскоре после толчка 1968-го, а у нас — с конца 1980-х.

Революция боролась с ханжеством старшего поколения, с лицемерной охраной правил хорошего тона и предрассудков. Школьники умеют остро распознавать в ревнителях морали ханжеские нотки, и Тартюфы во все времена приносили урон устоям нравственности. Революция 68-го нажимала на эту педаль со всей

силы — и машина мчалась по ухабам с бешеной, рискованной скоростью.

В джинсы сегодня облачились миллионы людей по всему миру — независимо от профессии, от принадлежности к ковбойскому сословию. В последние 15 лет существования СССР в нашей стране существовал даже культ джинсов: стоили они на чёрном рынке необоснованно дорого, ажиотаж удваивал цену. Эти не слишком представительные (вечно помяты!) и не слишком удобные (жестковаты!) штаны воспринимались как важный атрибут суперменского образа жизни. Молодёжная мода в нашей стране с шестидесятых годов глубоко клонится к вестернизации. Всё-таки дальновидны были американцы, оснастившие мировую молодёжную моду ковбойскими аксессуарам, которые сильнейшим образом поддерживают инстинкты американского патриотизма.

Глупо игнорировать уроки того исторического поворота. Мы каждодневно имеем дело с молодёжной субкультурой, рождённой на парижских мостовых 68-го — то в радикальном, то в вульгарном, хоть в поп-индустриальном прочтении. Взвешивать материю юношеского протеста, определять ему цену, учителю и родителю приходится едва ли не каждый день. Фактура тех событий должна быть в нашем активном словаре, тем более что она богато представлена в художественной литературе, публицистике, кинематографе. На много десятилетий растянулось постижение уроков мифологизированного 1968-го. Не все мысли передуманы, не все слова сказаны, есть над чем поразмыслить. **НО**